

УДК 94(470+571)»17/20»
ББК 63.3(2)5
Ш 36

Ф.Х. Шебзухова,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79282912223, e-mail: alan&1940@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ОКРАИНАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить основные факторы формирования национальной политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв., выявить взаимосвязь между социально-экономическим и культурным уровнем развития национальных окраин и правительственными мерами в отношении их интеграции в состав империи. Делается вывод о том, что официальных документов, определявших принципы национальной политики империи в целом, не существовало, она выработывалась применительно к конкретным народам на том или ином конкретном этапе развития российской государственности.

Ключевые слова: доктрина «официального национализма», «инородческий элемент», национализм, национальная окраина, национальная политика, «политика русификации», «собираение земель», статус национальных окраин, унификация управления, этнические группы.

F.Kh. Shebzukhova,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of National History, Historiography, Theory and Methodology of History of the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79282912223, e-mail: alan&1940@yandex.ru

FEATURES OF NATIONAL SUBURB GOVERNANCE IN THE RUSSIAN EMPIRE AT A BOUNDARY OF THE 19-20TH CENTURIES

Abstract. In the paper, an attempt is undertaken to define major factors of formation of national policy of the Russian Empire at a boundary of the 19-20th centuries and to reveal interrelation between the social, economic and cultural level of development of national suburbs and government measures concerning their integration into structure of the empire. It is inferred that the official documents defining the principles of national policy of the Empire in general did not exist, the policy was developed in relation to the specific people at this or that specific stage of development of the Russian statehood.

Keywords: doctrine of “official nationalism”, “a foreign element”, nationalism, national suburb, national policy, “policy of russification”, “collecting of lands”, status of national suburbs, unification of governance, ethnic groups.

К началу XX в. на террито- народов, отличающихся друг от рии Российской империи прожи- друга по религиозным призна- вало около 200 больших и малых кам, языку, культуре, уровню

социально-экономического и цивилизационного развития. Доля русского населения составляла 44,3%, украинского – 17,8%, белорусского – 4,7%. Эти три близкие друг другу этнические группы составляли 2/3 подданных страны. В пределах империи проживало 6,3% поляков, 4,2% евреев, многочисленной была тюркская группа, составляющая 10,8%, народы угро-финской группы представляли 2,8% [1; 104].

Причем многонациональный состав населения сочетался с не менее сложной религиозной принадлежностью. Господствующей религией, официально провозглашенной государством, являлось православие, которое исповедовало 69,4% населения. Мусульмане составляли 11,1%, католики – 9,1%, иудеи – 4,2%. Кроме этого, по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в империи насчитывалось 2,2 млн старообрядцев и сектантов [1; 106].

Формально, по заключению современного исследователя, российское законодательство почти не знало правовых ограничений по национальному признаку. Законами были ограничены в правах лишь евреи, а с 1864 г. – поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения татар-мусульман. Следует отметить, что правовые ограничения действовали в зависимости от исповедуемой религии и степени владения государственным (русским) языком. Поскольку национальные различия совпадали по преимуществу с конфессиональными, ограничения приобретали национальный характер. Однако интересно отметить, что инородцы, как в юридическом, так и в бытовом значении этого слова, имели право в ряде случаев, и не переходя в православие, пользоваться всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, если проявляли готовность служить русской государственной идее [2; 131].

При этом «русская идея» отказывала крупным народам России в праве не только на административную автономию, но и на развитие культуры, а малым – в праве на существование, подразумевая их постепенную ассимиляцию. Однако, по заключению ряда специалистов, данное заключение не совсем соответствовало действительности и отражало лишь естественный процесс формирования единого государственного образования, немислимого в правовом отношении без определенной унификации [3; 14].

Хотя официальных документов, определявших принципы национальной политики империи в целом, не существовало, тем не менее, в ней прослеживаются общие закономерности и основные направления реализации исторически обусловленных государственных интересов. Так, политика насильственной ассимиляции народов, характерная для I половины XVIII в., сменилась во второй половине века политикой веротерпимости. Дальнейшее *расширение* территории империи, включение в ее состав значительного числа неправославного населения привели к необходимости законодательного декларирования свободы в исповедании иной веры и предоставления реальной автономии их духовным управлениям [4; 11-12].

Национальная окраина понимается как «регион, включенный в состав России после середины XVI в., имеющий аборигенное население, численно превосходящее русских мигрантов или использующее в хозяйственных целях гораздо большую территорию по сравнению с ними; обладающий такими особенностями в управлении и в отношениях с центральным правительством, которые вызваны местными административными традициями или особенностями процесса присоединения». С этими особенностями напрямую и связана проблема

статуса той или иной территории в империи [5; 115].

Важным моментом для определения статуса национальной окраины являлось определение периода, с которого данное владение становилось частью Российского государства. В литературе существует несколько формальных критериев присоединения той или иной территории.

Во-первых, обозначение территории в высшей государственной символике. Для допетровской эпохи оно означало включение названия в полный царский титул, с начала XIX в. – присутствие соответствующего «щита» в Большом государственном гербе империи. Во-вторых, компетенция ведомства (внутреннее или внешнеполитическое), занимающегося делами данной территории. В-третьих, выплата налогов в общероссийскую казну. В-четвертых, распространение действия общероссийского законодательства и учреждение российской администрации на присоединенных территориях [6; 354-356].

Считать территорию региона включенной в состав России можно было лишь с момента, когда он обзаводился хотя бы тремя из них, при этом обязательным считался последний признак.

Исследователи выделяют, по крайней мере, три разновидности окраин с точки зрения участия государственной администрации в управлении ими.

Первая разновидность – окраины без российской администрации. Прежде всего, это кочевые народы и отчасти Русская Америка, управление которой было вверено торгово-промышленной акционерной компании. Вторая разновидность – окраины только с Верховной или военной российской администрацией. Это территориальные приобретения конца XVII-XIX вв. на Кавказе и в Европе, а также в Бухаре, Хиве и Урянхайском крае. Третья разновидность – окраины

с государственным управлением среднего и низового звена. Обычно проявление таких территорий на национальных окраинах было связано с постепенной русификацией и наплывом русского населения.

По этим причинам Малороссия и большая часть Сибири уже к началу XX в. не воспринимались как чисто национальные регионы. К этому времени там действовали такие же административные нормы, как и в центральных российских губерниях [6; 380-383].

В рассматриваемый период времени в составе Российской империи находились территории, имеющие особый автономный статус (Царство Польское и Великое княжество Финляндское); протектораты, связанные с империей политической зависимостью и находившиеся под ее покровительством (Хива, Бухара, Урянхайский край); генерал-губернаторства и наместничества (Кавказ). Перемена статуса окраин по отношению к Центру диктовалась, прежде всего, объективной тенденцией к унификации управления всей страны. Однако эта тенденция вступала в противоречие с оформлением национального самосознания народов окраин уже к концу XIX – началу XX вв. Сложился в итоге крайне неоднородный этнополитический комплекс, при котором русские присутствовали уже не только как костяк администрации и не только на Восточно-Европейской равнине, но и на всей территории империи [7; 110-113].

Значительные изменения в национальной политике произошли уже в царствование Александра II. Они оказались следствием «усиления националистических тенденций» во внутренней политике государства, что в свою очередь вызвало сопротивление населения окраин ассимиляторской политике царизма. Именно нежелание «инородческого элемента» «раствориться в толще русской народности» послужило официальным поводом

к ужесточению национальной политики в 1880-1890-е гг. [4; 18].

Первым шагом к такому курсу стало вытеснение представителей местной администрации с государственной службы и русификация школы. Так, в 1880-е гг. курс на комплектование «русской администрации» в национальных окраинах страны был перенесен из Царства Польского в Закавказье. В 1883 г. Александр III потребовал принять меры против сепаратистских тенденций среди армянского населения. Начиная с этого времени по инициативе Главноначальствующего гражданской части на Кавказе лица армянской национальности впредь не назначались в местности, населенные армянами, а уже служившие там постепенно переводились в другие местности. Та же политика проводилась и в Грузии. Так, в отчете Тифлисского губернатора за 1899 г. указывалось «стремление не допускать к занятию должностей по администрации армян и грузин, а замещать вакансии преимущественно русским элементом» [4; 55].

Большие надежды по осуществлению ассимиляторской политики царское правительство возлагало на русификацию школы в национальных окраинах империи.

Учитывая особую значимость Северо-Западного Кавказа для России, в соответствии с «Уставом о горских школах» 1859 г. здесь значительно было увеличено количество школ. Во многих областях продолжали функционировать уездные училища и мусульманские школы. Например, в 1886 г. в г. Майкопе, а в 1888 г. в г. Лабинске были открыты горские школы, дававшие знания в объеме двухклассного начального училища, где в основном обучались дети адыгов [8; 339].

Наибольшую известность приобрела Ставропольская гимназия, где обучались и дети горцев. Если в 1850 г. из 185 ее учеников горские дети составляли всего 11 человек,

то в последующие 30 лет гимназию окончили 1739 горцев, многие из которых впоследствии были направлены в высшие учебные заведения России. Просвещение на Кавказе могло иметь более серьезные успехи, если бы ни официальная политика правительства. Например, к концу XIX в. в Дагестанской области насчитывалось 26 школ, в Адыгее – всего 7, а в Балкарии так и не было открыто ни одного учебного заведения. Содержание учебного процесса подчинялось общегосударственным интересам, главной целью которых было «приобщение горцев к жизни в империи» [8; 343].

Политика русификации школы была распространена и на Прибалтику. В стройной системе обучения главную роль здесь играл Дербентский университет, который был наделен особым статусом. Учреждались гимназии и городские училища с преподаванием на немецком языке. Начальное обучение имело конфессиональный характер и велось на национальных языках. Русский язык как предмет не был обязательным в преподавании, хотя и был введен в начальной и средней школах [6; 188-189].

С середины 1880-х годов активизируется русификаторская политика. Ее целью стало вытеснение немецкого влияния русским. В этих целях в 1885 г. правительство приняло закон, согласно которому делопроизводство во всех присутственных местах переводилось на русский язык, а в 1887 г. все начальные училища переводились в ведение Министерства просвещения, что означало превращение русского языка в основной, если не единственный, язык обучения.

Аналогичная ситуация сложилась и в Грузии, где попечитель Кавказского учебного округа допускал обучение родному языку только в начальных классах гимназии. С упразднением Кавказского наместничества «обрусение туземцев» признавалось первой задачей

новой Кавказской администрации, а школа – лучшим к тому орудием. В 1884 г. было запрещено существование армянских церковно-приходских школ. Спротивление армянского духовенства закончилось секуляризацией собственности армяно-григорианской церкви, что нашло свое отражение в законе от 12 июня 1903 г. [9; 126-127].

В 1880-1890-х годах сильно обострился еврейский вопрос. Еврейские погромы, прошедшие на юге России, послужили предлогом для ужесточения ограничений евреев в выборе места жительства. Был проведен ряд жестких мер в этом плане. Так, в 1882 г. им было запрещено вновь селиться вне городов и местечек даже в черте оседлости. За этим в 1891-1897 гг. были введены запреты переселяться в Москву и Московскую губернию евреям-ремесленникам и некоторым другим категориям, вообще запрещалось проживание в Кубанской и Терской областях, а также в сельской местности 50-верстной пограничной полосы. В 1899 г. было затруднено переселение в Москву евреев-купцов I гильдии, была введена процентная норма для поступления в учебные заведения и адвокатуру, участие в нефтяном промысле и акционерных обществах [10; 86-87].

Лишь в начале XX в. власти спохватились, что их политика в отношении евреев активизировала их участие в революционном движении. Правительству пришлось смягчить отношение к евреям. Так, в 1903 г. был несколько расширен список негородских поселений в черте оседлости, где евреям разрешалось жить. В 1904 г. был отменен еще ряд ограничений относительно права жительства для «привилегированных категорий евреев» [10; 87].

Националистическая политика коснулась и мусульманского населения. 1880-1890-е гг. – период деятельности обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, известного

своей консервативной политикой. Не удивительно, что в этот период началось широкое наступление на мусульманское население. Так, в 1884 г. Комитет министров принял постановление, запрещавшее занимать должности по сельскому и волостному управлению и фанатикам–мусульманам, в 1889 г. был ограничен допуск мусульман в адвокатуру. Они также лишились права преподавания в казенных средних учебных заведениях, а домашними учителями могли быть только у единоверцев. В 1890-1891 гг. была отменена выборность Оренбургского и Таврического муфтиев. Были предприняты попытки контроля мусульманских конфессиональных школ, но они не получили поддержки Министерства иностранных дел, боявшегося нового переселения крымских татар в Турцию [11; 199-200, 210].

Подобного рода политика обострила отношение с местным населением Туркестанского края. Генерал-губернатор Туркестана С.М. Духовский во всеподданнейшем докладе «Ислам в Туркестане», отмечая изначальную враждебность ислама христианской культуре, все же предупреждал об опасности неприятных мер, предотвращающих возникновение в империи мусульманского вопроса, подобного польскому или финляндскому. При этом он предлагал выработать общегосударственный план отношения к исламу, где предлагалось упразднение всех духовных мусульманских управлений с передачей их функций общей администрации. Что касается конкретно Туркестана, генерал-губернатор предлагал делать ставку на силу, усилить обрусение края и отменить выборность туземной местной администрации [11; 214]. Но эти предложения остались на бумаге скорее как рекомендательные.

Новым фактором в национальной политике конца XIX в. стала русская крестьянская колонизация

окраин. Так, после окончания Кавказской войны и массового исхода горцев в Турцию опустело черноморское побережье. Власти решили заселить его людьми, способными вести хозяйство в тех условиях. В этих целях правительство допустило туда армян и греков из Турции. Далее было решено сосредоточить на побережье русских людей как проводников российского влияния на местное население. Данные усилия вылились в раздачу лучших земель представителям петербургской аристократии, создание же крестьянских хозяйств не велось, т.к. русские крестьяне не смогли достичь уровня хозяйствования местного населения [12; 123].

Аналогичная ситуация сложилась и в Закавказье. Даже после разрешения правительства на добровольное переселение до 1905 г. сюда переселилось лишь несколько тысяч человек. Для их обустройства местных жителей сгоняли с давно обжитых ими мест [6; 300]. Более того, на Северном Кавказе Министерство государственных имуществ считало возможным отобрать в казну земли горцев, которые считали их вековой собственностью.

Процесс колонизации Туркестана начался с его хозяйственным освоением и строительством Сибирской железной дороги. В 1896 г. началось обследование казахского землепользования с целью выявления «излишних» земель. А еще раньше, в 1887 г., лицам нехристианского вероисповедания (переселенцам) запрещалось приобретение земельной собственности в крае [2; 143].

Такая политика в отношении национальных регионов, получившая название доктрины «официального национализма», сводилась к достижению социально-экономической, административно-правовой и культурной интеграции в рамках единой империи. В правящих кругах такая политика вызывала неоднозначную реакцию.

Последовательным критиком политики русификации окраин был председатель Комитета Министров С.Ю. Витте, опасавшийся, что подавление окраин может привести к революционному взрыву. Особое его беспокойство вызывал еврейский вопрос. Он полагал, что если бы правительство и после Александра II продолжало бы такую же политику в отношении евреев, т.е. постепенно уничтожались исключительные законы относительно евреев, то еврейского вопроса как такового не было бы. Евреи не стали бы одним из злых факторов нашей проклятой революции, еврейский вопрос существовал бы в том его виде, в котором он существует в тех странах, где имеется изрядное количество евреев [13; 399].

При этом ни сам С.Ю. Витте, ни его сторонники в этом вопросе не имели альтернативной программы политике русификации. Однако вскоре появились непредвиденные обстоятельства, смешавшие все. В июле 1904 г. был убит министр внутренних дел В.К. Плеве, и на его место был назначен Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский, имевший репутацию умеренного либерала. Основой политической программы нового министра стал его отчет о двухлетнем управлении Северо-Западным краем, который в целом был одобрен Николаем II.

Благожелательной оценкой этого доклада воспользовался С.Ю. Витте. Он предложил императору мысль «объявить в видах успокоения общественного мнения особым указом о предстоящем рассмотрении и разработке в Комитете министров новой правительственной программы» [13; 402].

12 декабря 1904 г. Николай II подписал проект указа о предстоящих реформах, предварительно вычеркнув пункт о введении выборных в состав Государственного совета. В столице этот Указ не произвел никакого эффекта, но на

национальных окраинах его оценили должным образом, посчитав, что в тексте указа было обещание пересмотреть национальную политику [14; 49].

В результате в Петербург хлынул поток прошений и писем от нерусского населения, который еще более усилился после подписания указа от 18 февраля 1905 г., предлагавший представлять свои проекты по улучшению и совершенствованию государственного устройства. На имя С.Ю. Витте за несколько месяцев после издания указа стали поступать петиции разного уровня требований и прошения от польского дворянства, украинской общественности, еврейских союзов и т.д.

В современной литературе отмечается, что данные указы «правительства вызвали в национальных окраинах волну общественного движения и что правительство оказалось перед сложной дилеммой: либо выполнить обещание и тем самым спровоцировать еще больший рост общественного движения, либо ничего не делать, что также было чревато еще большим взрывом социального протеста» [14; 50]. С усилением и организационным оформлением общественного движения правительство вернулось к уже испробованным методам решения национальных проблем, полагаясь на силу обстоятельств и возможности применения того или иного способа «усмирения» окраин.

Таким образом, анализ правительственных мер по управлению национальными окраинами на рубеже XIX-XX вв. свидетельствует о том, что задачи национальной политики были подчинены, прежде всего, решению вопросов создания единого государственного образования, с единым общеимперским административно-политическим управлением, единым правовым и культурно-образовательным пространством.

Их реализация сопровождалась разработкой комплекса мер

правового, образовательного и хозяйственного характера, применение которых в разных регионах империи имело свои особенности – от относительно мирных до насильственных.

В 1880-е гг. начинается, а в последующие годы продолжается ужесточение правительственного курса в отношении национальных окраин, причинами которого явились как внутренние потребности империи, так и рост национального самосознания народов страны. Анализ действовавшего в те годы законодательства и многочисленных мероприятий, которые проводились в различных регионах страны, свидетельствует об отсутствии правовых ограничений исключительно по национальному признаку. Единой национальной политики в современном ее понимании в рассматриваемое время не существовало. Она скорее напоминала совокупность правительственных мер, направленных на поддержание стабильности и целостности многонационального государства, наиболее значимыми из которых были религиозная и образовательная политика. Не существовало и общепринятого понимания понятия самой «национальной окраины».

Статус того или иного национального региона определялся в той или иной форме административного устройства. Наиболее типичными формами их в 1880-1904 гг. стали наместничества и генерал-губернаторства. На становление и развитие политико-административной системы влиял целый ряд объективных и субъективных обстоятельств. По заключению многих специалистов, среди них приоритетным являлись природно-географические, общеисторические и этносоциальные факторы. При этом если первый фактор влиял на территориальные параметры окраин и возможности ее колонизации, второй – на особенности и статус местных форм управления,

то третий определял характер взаимодействия общественно-экономических процессов с гражданским и военным устройством, а также территориальное размещение коренного и пришлого населения.

Рост национального самосознания народов страны способствовал радикализации национальных

движений, что неизбежно вызвало усиление репрессивных мер со стороны российских властей. В результате такой политики национальный вопрос из комплекса мер по интеграции нерусских народов в состав империи превратился в один из дестабилизирующих факторов развития страны.

Примечания:

1. Зорин В.Ю. К вопросу об этноконфессиональной компоненте внутренней политики России начала XX в. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 104-111.

2. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130-142.

3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

4. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.): сб. документов / сост. В.С. Дякин. СПб.: Наука, 1998. 368 с.

5. Трепавлов В.В. Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами в России (XVI-XX вв.) // Россия в XX в.: проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 115-120.

6. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.

7. Каппелер А. Национальные движения и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации (XIX в. – 1917 г.) // Россия в XX в.: проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 100-109.

8. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.

9. Лунтинен П. Управление Великим княжеством Финляндии в составе Российской империи // Россия в XX в.: проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 121-129; Витте, С.Ю. Избранные воспоминания. 1849-1911 / С.Ю.Витте. М.: Мысль, 1991. 708 с.

10. Рахманова Н. Еврейский вопрос в политике В.К. Плеве // Вестник еврейского университета. 1995. № 1. С. 80-94.

11. Национальная политика России: история и современность. М.: Мысль, 1997. 764 с.

12. Тхагапсова Г.Г. Демографическая политика России на Западном Кавказе (XIX в.) и ее этнологические последствия // Информационно-аналитический вестник: история. Археология. Этнология. Майкоп, 2003. Вып. 4. С. 116-130.

13. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849-1911. М.: Мысль, 1991. 708 с.

14. Волхонский М.М. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы Первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 48-62.

References:

1. Zorin V.Yu. On the problem of ethno-confessional component of Russia's domestic policy at the beginning of the 20th century // National history. 2003. No. 5. P. 104-111.

2. Dyakin V.S. National problem in the domestic policy of tsarism (19th – early 20th centuries) // Problems of History. 1995. No. 9. P. 130-142.

3. Kappeler A. Russia as a multinational empire: origin, history, collapse. M.: Progress-Tradition, 2000. 344 pp.

4. National problem in the domestic policy of tsarism (19th – early 20th centuries): Collection of documents / comp. by V.S. Dyakin. SPb.: Nauka, 1998. 368 pp.

5. Trepavlov V.V. Formation of the system of relations between the center and national outskirts in Russia (16th -20th centuries) // Russia in the 20th century: Problems of national relations. М.: Nauka, 1999, P. 115-120.
6. National outskirts of the Russian Empire: formation and development of the system of management. М.: Slavic dialogue, 1998. 416 pp.
7. Kappeler A. National movements and national policy of the Russian Empire: an experience of systematization (19th century – 1917) // Russia in the 20th century: Problems of national relations. М.: Nauka, 1999, P. 100-109.
8. History of the peoples of the North Caucasus (the end of the 18th century -1917). М.: Nauka, 1988. 659 pp.
9. Luntinen P. Management of the Grand Princedom of Finland as a part of the Russian Empire // Russia in the 20th century: Problems of national relations. М.: Nauka, 1999, P. 121-129; Vitte S.Yu. Selected memories. 1849-1911 / S.Yu. Vitte. М.: Mysl, 1991. 708 pp.
10. Rakhmanova N. The Jewish problem in the politics of V.K. Pleve // Bulletin of the Jewish University. 1995. No. 1. P. 80-94.
11. The national policy of Russia: history and modernity. М.: Mysl, 1997. 764 pp.
12. Tkhagapsova G.G. Demographic policy of Russia in the West Caucasus (19th century) and its ethnological implications // Information and analytical bulletin: History. Archeology. Ethnology. Issue 4. Maikop, 2003. P. 116-130.
13. Vitte S.Yu. Selected memories. 1849-1911 / S.Yu. Vitte. М.: Mysl, 1991. 708 pp.
14. Volkhonsky M.M. National problem in the domestic policy of the government during the first Russian Revolution // National History. 2005. No. 5. P. 48-62.